

**ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ:
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА**

Люлька соискатель,
Ольга Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета
Федоровна (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
E-mail: o.lyulka@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается динамика протестной активности в современной России, выделяются характерные периоды эскалации и ослабления потенциала протестной активности. Отдельное внимание — в методологическом и практическом ключе – уделяются проблеме наличия региональной специфики структурных факторов протестной активности и способов ее экспликации в прогностических и управленческих целях.

Ключевые слова: *социальный протест, волны протестной активности, гражданское общество, относительная депривация, структурные условия протеста*

Исследование динамики, потенциала и закономерностей трансформации протестной активности населения является актуальным направлением социологической работы. Это связано и с тем, что протестная активность как таковая указывает на неразрешенные социальные противоречия, и с тем, что в современном обществе она может стать источником непрогнозируемых социальных перемен. Социальный протест, протестные движения продолжают оставаться важнейшим фактором трансформаций не только отдельных политических систем, но и мировой системы в целом. За последнее десятилетие мы стали свидетелями того, как социальный протест становится заложником политических технологий, умело использующих его энергию для смены политических режимов в самых разных странах.

Актуален как в теоретическом, так и в практическом плане и такой аспект исследования протестной активности, как ее особенности, причины и динамика на региональном уровне. За последние годы мы, несмотря на все стереотипы о политической провинциальности по отношению к большинству российских регионов, были свидетелями целого ряда событийных и информационных вспышек, связанных с протестной активностью «на местах». Исследование потенциала протестной активности на региональном уровне является сложной задачей, поскольку масштабы России, экономические и культурные различия между регионами очень велики.

На региональном уровне, как показали протестные кампании 2005 г. и 2011–2012 гг., имеются как собственные структурные причины актуализации протестного потенциала, так и уникальные локальные конфигурации социальных противоречий, связанных с монопрофильностью экономики, интенсивностью миграционных потоков, местными экологическими или транспортными проблемами и т.п. Кроме того, в регионах за годы реформ сложилась своя «провинциальная» политическая культура, своеобразно реагирующая на импульсы политизации массового сознания, исходящие из российских столиц. Отсюда возникает актуальная проблема развития методологии и методики анализа и прогнозирования протестной активности, учитывающей и универсальные закономерности, и региональную специфику.

Рассматривая протест как тип социальной активности целесообразно в целом ряде случаев использовать терминологическое словосочетание «социальный протест», которое подразумевает достаточно широкий круг явлений. К социальному протесту относят и оспаривание, отрицание всего социального порядка, принципов общественного устройства, и неприятие каких-то отдельных сторон общественной жизни, и возмущение сложившимися порядками, институтами, и выступления лишь против определенных тенденций или решений в политике, экономике или сфере культуры. Однако в целом протест как форма социальной активности всегда направлен на социальные изменения, и в частности, устранение несправедливости, ущемленности прав определенных групп. Анализ реальной протестной активности позволяет говорить о том, что в зависимости от целей, которые мотивируют субъектов

протеста, можно говорить о целеполагании локальных, либо системных изменений. Когда в мотивацию протестной активности включаются цели и ценности, связанные с системными изменениями, тогда протестная активность обретает ресурсы для изменения сложившегося социального порядка.

И.В. Задорин и Д.О. Стребков, считая протест одной из форм политического участия, указывают, что в современной России история массовых митингов, протестного движения как фактора социальных и политических перемен началась в 1989 г. Н.А. Некрасова и С.И. Некрасов полагают, что корни современного протестного движения находятся в диссидентском движении еще «доперестроечного» периода [1, с. 34]. Социальным фоном становления протестного движения ученые считают ожидание перемен в самых различных сферах жизни, повышения благосостояния [2, с. 64]. В самом начале новейшей политической истории России массовые протесты сыграли, по сути, определяющую роль в делигитимации советского строя, точнее его силовых основ. На массовый митинг против ГКЧП 20 августа 1991 г. на Дворцовой площади в Ленинграде собралось около 300 тыс. чел., на митинг около Белого дома в Москве – не менее 100 тыс. чел., на митинг около Моссовета – около 50 тыс. чел. [3].

В 1993 г. в период конституционного кризиса митинги сторонников и противников разных политических лагерей (президента Б.Н. Ельцина и Верховного Совета Российской Федерации) стали непосредственным орудием политического противостояния наряду с применением насилия, оказались важным средством легитимации претензий на верховную власть. В 1990-е гг. тяжелые последствия рыночных реформ породили широкую социальную базу протеста, сам же потенциал протестной активности колебался в зависимости от возникающих экономически и социальных проблем (безработицы, невыплат зарплат в тех или иных отраслях и т.п.). При этом, как отмечают И.В. Задорин и Д.О. Стребков, в 1990-е гг. протестное движение, в целом, не получило дальнейшего развития и сократилось по сравнению с поздним постсоветским периодом. Характерным признаком протестного движения 1990-х по сравнению с позднесоветским временем стала *трансформация основного субъекта протеста*: если против советской модели государственности и экономики протестовали, в массе своей, наиболее продвинутые слои общества – интеллигенция, новые предприниматели и т.п., то в 1990-е основным носителем протеста стали те, кто не сумел «адаптироваться» к переменам, наиболее обездоленные и депривированные категории общества (что отнюдь не говорит об их малочисленности).

В зависимости от акцентов на тех или иных факторах протестной активности выделяется два частных подхода к ее объяснению в 1990-е гг. В рамках «экономического» подхода предполагается, что протестное поведение – это, главным образом, реакция на ухудшение условий жизни, рост цен, безработицы и т.п. [4, с. 93]. В рамках «политического» подхода утверждается, что вероятность протеста зависит, в первую очередь, от вовлеченности в политику и веру в способность с помощью протеста оказывать влияние на принимаемые решения. В рамках этой логики, субъекты протеста консолидируются и ищут на «политическом рынке» те силы, которые готовы выражать и защищать их интересы [5]. Несмотря на эти два крайних способа интерпретации социального протеста в реальных российских условиях, большинство ученых все же признают, что, во-первых, всегда действует совокупность факторов, а, во-вторых, существуют протестные акции принципиально различного типа, вызванные действием различных механизмов.

И.В. Задорин и Д.О. Стребков провели комплексный анализ динамики и причин протестной активности в 1990-е гг. Они привлекли несколько типов информации – официальные данные Госкомстата о росте цен, реальной заработной плате, задержках заработной платы, забастовках, данные МВД о количестве протестных акций и количестве людей, которые в них участвовали, а также ряды данных, полученных в ходе мониторинговых социологических опросов за несколько лет. Проведя корреляционный анализ, исследователи пришли к следующим выводам [2]:

– *различные типы протестных акций имеют под собой различные основания* (например, забастовки на предприятиях и публичные митинги, манифестации и т.п.) – факторы, лежащие в основе одного типа, не оказывают существенного воздействия на другой тип;

– *факторы, которые определяют численность протестующих в тот или иной интервал времени, имеют не столько экономический характер, сколько связаны с иными аспектами протестной*

мобилизации (ценностно-идеологические дилеммы, высокая самооценка эффективности протеста, наличие каналов консолидации, лидеров и т.п.);

– из экономических факторов достаточно сильную связь с протестным потенциалом, регистрируемым социологическими опросами, имеют *реальная заработная плата, величина задолженности по заработной плате;*

– *данные массовых социологических опросов* в целом довольно точно отражают тенденции массового сознания, динамику общественных настроений, однако они являются плохой основой для прогнозирования роста и падения реальной протестной активности.

Как известно, в течение последних десяти лет в России в целом наблюдался устойчивый экономический рост, а также рост номинальных и реальных денежных доходов населения, качества жизни. В самом начале двухтысячных годов правительством была проведена большая работа по сокращению задолженности по заработной плате, а задержки выплат пенсий и пособий и вовсе ушли в историю. С 1999 г. по 2007 г. доля тех, кто оценивал материальное положение своей семьи как «плохое, очень плохое», уменьшилась с 59% до 28%. Доля тех, кто оценивал материальное положение семьи как «среднее», выросло с 37 до 60%, а тех, кто оценивал его как «очень хорошее» – с 3% до 11% [6].

В то же время последнее десятилетие было ознаменовано и периодами всплеска протестной активности населения. Они носили различный характер – общероссийский, преимущественно столичный, локальный – а также были вызваны различными причинами: недовольством принятыми властью решениями, проблемами в социально-экономической сфере и ЖКХ, этническими противоречиями, динамикой политической борьбы в период выборных кампаний. Общая динамика оценочного потенциала протестной активности с 2001 по 2011 гг. представлена на рис. 1.

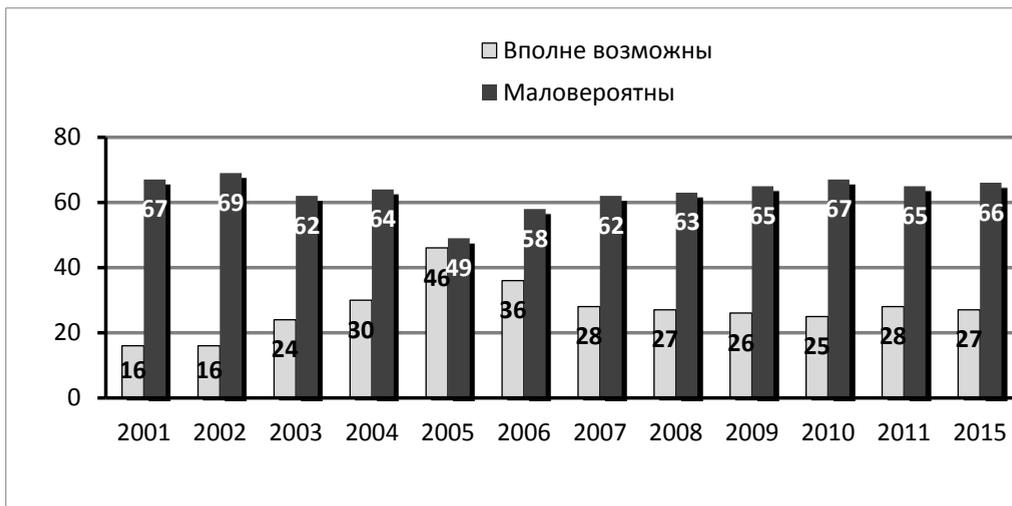

Рис. 1. Распределения ответов на вопрос «Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в нашем городе/сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?» (всероссийские репрезентативные опросы ВЦИОМ, 2001-2011 гг.) [7, с. 6; 8]

Одной из получивших наибольший общественный резонанс стала протестная волна против «монетизации льгот» и введения стопроцентной оплаты ЖКХ в 2005-2006 гг. Напомним, что на февраль 2005 г. пришелся пик протестов, вызванных решением правительства о замене натуральной формы предоставления льгот соответствующим категориям граждан денежными выплатами¹. В том же году

¹ Реформа была инициирована Федеральным законом РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных

Правительством России было принято решение о переходе на оплату населением полной стоимости жилищно-коммунальных услуг, которая ранее частично субсидировалась [9].

Как указывает М.Г. Мацкевич, в самом начале реформы по монетизации льгот вызвало у многих граждан одновременный эффект депривации. Причем, эффект был вызван не столько риском ухудшения качества жизни, сколько риском утраты важным символических аспектов социального статуса. Так, ситуации, когда пожилого человека перестают впускать в общественный транспорт бесплатно, хотя еще вчера впускали, «возникали в больших городах ежедневно», вызывая при этом чувство унижения, ссоры и конфликты. Фактором распространения недовольства и повышения протестной активности стало «сосредоточение» уязвленных категорий граждан в органах социальной защиты населения, где эмоциональный градус продолжал увеличиваться, а также, что более существенно, происходила солидаризация и координация недовольных: «митинги зарождались практически сами собой, фактически... без участия каких-либо партий, движений, лидеров» [10]. В результате к началу февраля 2005 г. в акциях протеста в 53 регионах России приняло более 350 тыс. чел., которые были преимущественно пенсионерами [11]. По замерам «Левада-Центра» готовность принять участие в акциях протеста в этот период высказывали около 25% респондентов всероссийских репрезентативных опросов.

О росте социальной напряженности свидетельствовали следующие показатели: около 47% опрошенных указывали на возможность проведения в их местности митингов, массовых акций протеста, а 37% готовы были принять в них участие. При этом обнаруживались следующие тенденции: 1) чем крупнее было городское поселение, тем более вероятными считались протесты, 2) чем выше был семейный доход, тем больше респонденты склонялись ко мнению, что протестные акции состоятся. Наиболее высокие оценки вероятности протестных акций (70%), а также личная готовность участвовать в протестах (48%) были выявлены среди тех, кто демонстрировал низкий уровень доверия руководству страны [11, с. 21-24].

Период с 2005 до финансово-экономического кризиса 2008 г. является крайне интересным периодом с точки зрения анализа протестного потенциала. Имеется общее представление о том, что в этот период наблюдалось некое затишье протестной активности. Эмпирически ориентированные исследования говорят о том, что это не соответствует действительности. К.В. Подъячев считает период после 2005 г. началом оформления, плавной институционализации разрозненных протестных движений в России: в защиту прав обманутых дольщиков жилья, против строительства нефтепровода рядом с озером Байкал, против ограничения на ввоз автомобилей с «правым рулем», в защиту исторической застройки городов и др. [12, с. 151] В то же время пилотные эмпирические замеры показывают, что путем анализа открытых источников в этот период можно было зафиксировать сообщения о не менее тысячи протестных акций в год [12, с. 151]. Это были преимущественно разовые протестные мероприятия, однако были примеры и возвращения к тактике «палаточных городков», появившейся еще в начале 1990-х гг.

По данным Д. Верхотурова, до четверти всех акций в этот период приходилось на экологическую тематику: закрытие вредных производств, противодействие строительству новых объектов, нарушение городского ландшафта и т.п. [13]. Основную массу протестующих составляли люди с высоким уровнем образования, высокими доходами, имеющие время и ресурсы для участия в протестных акциях. Следующей по частоте протестов была тема защиты обманутых дольщиков, а также прав очередников на получение жилплощади. Третьей по частоте темой протестных акций была защита прав в ходе трудовых конфликтов. Чаще всего подобного рода акции не выливались в открытые публичные мероприятия, а проходили в рамках процедур разрешения трудовых споров на предприятиях (в том числе с помощью забастовок). Особенно необходимо отметить то, что частота политических протестов и акций была в этот период крайне незначительной.

Выборные кампании 2011-2012 гг. стали периодом усиления протестной активности, можно даже сказать периодом ее трансформации в протестное движение. В декабре 2011 г. прошла серия митингов во многих крупных городах России, но прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. Митинг на Болотной площади в Москве 10 декабря 2011 г. собрал, по разным оценкам, от 85 до 150 тыс. чел. [14, с. 219]. Митинг 24 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова в Москве – от 40 до 100 тыс. чел. [15, с. 119]. Однако усилению протестной активности предшествовал довольно долгий период усилий лидеров политической оппозиции по консолидации и мобилизации протеста [16]. Далее оппозиционно настроенные силы старались сохранить регулярный темп проведения протестных акций, готовя основной политической удар выборным кампаниям осени 2011 – весны 2012 гг. В целом же, по данным общероссийских социологических опросов, потенциал протестной активности устойчиво рос три года подряд: в 2009 г. на улицу были готовы выйти около 18% опрошенных, в 2010 г. – 20%, в 2011 г. – уже 23% [17, с. 91].

М.В. Морев и В.С. Каминский связывают протестную волну 2011-2012 гг. с развитием гражданского общества в России, появлением у его акторов желания «указать власти на необходимость реагировать на запросы растущего гражданского общества» [14, с. 207]. О.И. Яницкий называет протестное движение 2011-2012 гг. «системным протестом меньшинства», который аккумулировал в себе все недовольство предшествующих лет [18, с. 16]. При этом, как отмечает исследователь, высокий порог терпения основной массы населения так и не был преодолен.

В.К. Левашов полагает, что протестная волна была обусловлена несколькими обстоятельствами [19]. Во-первых, протестам предшествовал период неблагоприятной социально-экономической конъюнктуры: «экономический кризис обострил тревожные настроения граждан по поводу материального положения и негативно отразился на общей духовно-нравственной атмосфере в стране». Во-вторых, по мнению ученого, в течение всего пореформенного периода в стране продолжали существовать несколько структурных противоречий, подтверждаемых эмпирическими данными. Так, можно говорить о противоречии между интересами большинства и реальной политикой реформ, поскольку на протяжении и 1990-х и 2000-х гг. в среднем около 60% опрошенных в рамках ежеполугодных панельных опросов отмечали, что не видят соответствия между проводимыми экономическими преобразованиями и интересами большинства населения.

В.К. Левашов делает вывод о том, что за активизацией протестной активности в 2011-2012 гг. в качестве движущей силы стоял конфликт-противоречие между интересами широких слоев общества и результатами реальной политической и управленческой практики государства. Социальную базу протестного движения, по оценке ученого, составили работники бюджетной сферы, которым на тот момент не повысили заработную плату на фоне повышения заработной платы работникам силовых ведомств, а также низшее звено бизнес-класса, наиболее сильно пострадавшее от последствий мирового экономического кризиса 2008 г.

Основываясь на данных панельных исследований ВЦИОМ, Ю.М. Баскакова говорит о резком росте социального недовольства в период протестной волны. По ее мнению, оно опережающими темпами копилось в сельской местности и малых городах, хотя и в латентной форме [20]. Д.Ю. Татаркова полагает, что актуализация потенциала протестной активности была вызвана усилиями и творчеством контрэлит, в полной мере использовавших недооцениваемый государственной властью ресурс социальных сетей, сумевших «виртуальную акцию протеста... превратить в реальную» [21, с. 37].

Протестная волна 2011–2012 г. разворачивалась под знаменем политического противостояния и своей интенцией имела охват всех крупных городов страны, но наряду с ней периодически происходили всплески локальной протестной активности. Так, например, в 2009 г. прошли протесты во Владивостоке и так называемых моногородах, протесты в г. Химки, в 2010 г. – на Манежной площади, в 2013 г. – в городах Пугачеве Саратовской области, районе Москвы Бирюлево и др. Несмотря на то, что все эти протесты происходили по различным причинам – социально-экономическим (на фоне обвала производства в условиях мирового финансово-экономического кризиса), как движение в защиту окружающей среды, как недовольство миграционной политикой на местах и качеством работы правоохранительных органов, исследователи предлагают видеть за ними также набор структурных оснований,

системных причин и, прежде всего, характер взаимодействия власти и общества, ригидность государственных механизмов реагирования на страхи и потребности населения [22].

На наш взгляд, если вести речь о действительно массовых протестных выступлениях, даже независимо от региона и причины их возникновения, подобный тезис является достаточно справедливым. Однако же из всего массива протестных акций, которые происходят по стране ежемесячно, такого рода события составляют меньшую долю, хотя и оказывают заметное влияние на информационный фон. В конечном счете, совершенно не все протесты адресованы непосредственно властям, и явно не во всех противоречиях виновато государство. Если говорить о такого рода акциях, как голодовки, забастовки, пикеты и т.п., то часто в их возникновении виноваты конфликты между предпринимателями и наемными работниками, мошенниками и обманутыми гражданами (например, дольщиками жилья, инвесторами финансовых пирамид и т.п.).

И все же исследование структурных причин локальной протестной активности представляется плодотворным направлением работы с точки зрения прогнозирования потенциала протестной активности. Как отмечает О.И. Яницкий, протестное движение в столицах и на периферии отличается – и по доминирующей мотивации, и по социальной базе и по своим ценностным интенциям [18, с. 19]. Особые структурные условия социального протеста в регионах, безусловно, тоже имеются – они могут быть связаны со следующими обстоятельствами:

- наличие характерных для данного региона социально-экономических проблем (убыточные отрасли производства, моногорода, зависимость производства от конъюнктуры рынка и т.п.);
- характер регионального политического режима;
- наличие характерных для региона этнических или религиозных противоречий и т.п.

О специфике Москвы как среды для возникновения протестной активности хорошо пишет О.А. Мирясова: протестные настроения в 2011-2012 гг. там возникли не вследствие ухудшения условий жизни, а скорее, наоборот, вследствие перехода материальных проблем в разряд второстепенных по сравнению с чувством самоуважения, самоактуализации. В целом, О.А. Мирясова делает вывод о том, что в протестах 2011-2012 гг. в Москве определяющую мобилизационную роль сыграли «люди с активной жизненной позицией, установкой не на встраивание, а на выстраивание» [23, с. 56].

И.А. Климов, анализируя структурные факторы локальной протестной активности, возникшей в период подготовки к строительству олимпийских объектов в Сочи, отмечает, что «питательной средой для протестных движений оказываются сами структуры власти», а отнюдь не только социальное неравенство, недостаточность возможностей политического участия и т.п. Так, почвой для возникновения локальной социальной напряженности (в пределах муниципального образования) в предолимпийском Сочи, несмотря на позитивную олимпийскую повестку (общее дело, большая ответственность и честь), стала серия ошибок местной и региональной власти, а также общий стиль взаимодействия с местным населением при решении конфликтных и двусмысленных ситуаций [24]. Недовольство местных жителей, особенно выраженное в форме протестных акций, должно было стать сигналом для местных органов власти, однако именно коммуникативная составляющая конфликта оказалась наиболее слабым местом: отсутствовали регулярные контакты властей и жителей, информация, доводимая до населения, была неконкретна, отсутствовал какой-либо авторитетный медиатор конфликта.

Еще одной характерной особенностью данного конфликта стала принципиальная возможность его политизации и даже идеологизации. Локальная социальная напряженность стала привлекательной средой для политических сил, готовых спекулировать на проблемах населения. С другой стороны, ангажированная политическая риторика оппозиционеров стала для местных и региональных властей предлогом для инвектив в адрес всех недовольных. На фоне того, что протестному движению в регионах едва ли удалось в предшествующие годы актуализировать собственно региональную проблематику, он содержит в себе и конструктивный потенциал, поскольку является «способом сообщить власти о нерешаемых проблемах... механизмом вынужденного гражданского контроля» [25, с. 45].

Социологические исследования показывают, что практически везде имеются похожие структурные факторы протестного потенциала. Однако зачастую они рисуют нам другой ментальный и социальный «профиль» регионов – как провинции с преобладанием характерного для России консерва-

тивного большинства, для которого главными благами является наличие крепкого государства, способного решить насущные экономические проблемы и обеспечить общественный порядок. Это, однако, не означает, что для активизации протестного потенциала консервативного большинства не может сложиться соответствующих условий.

Следует учитывать ряд эмпирических индикаторов, позволяющих оценить специфику социальных условий, определяющих уровень и потенциал протестной активности населения в в том или ином регионе:

- оценки населением социально-экономических условий жизни в стране и регионе;
- оценку уровня социального неравенства в различных измерениях, структуру социально-классовой идентичности, материальной обеспеченности;
- оценку депривированного эффекта бедности в регионе;
- оценку основных социальных противоречий в российском обществе;
- дискриминационные эффекты в региональном сообществе, уровень социально-психологической напряженности;
- структуру преобладающих политических ценностей, которые описывают тип политической культуры, характерный для региона;
- наконец, уровень социального доверия основным властным институтам.

При этом непосредственной задачей анализа, направленного на предупреждение эскалации потенциала протестной активности должен быть поиск признаков и причин формирования фоновой социальной напряженности, а также отдельных настроений или запроса, сформировавшегося в какой-либо социальной группе, общественном движении.

Показатель социального доверия является одним из наиболее емких с точки зрения диагностики социальных настроений. Низкий уровень социального доверия является одним из предикторов неконвенционального поведения, фактически индикатором нарушения коммуникации между обществом и властью. В то же время доверие к региональным и даже местным органам власти является многофакторной величиной, поскольку на эти органы населением возлагается ответственность за широкий круг проблем – от работы общественного транспорта до качества жилищно-коммунальных услуг.

В рамках опроса, проводившегося в Ростовской области в 2013 г., задавался вопрос о том, что может способствовать повышению доверия к областной и местной власти [26]. Оказалось, что главные претензии как к областной, так и местной власти – это: 1) неспособность решить социальные проблемы (около 70% опрошенных), 2) неспособность обеспечить решение экономических проблем (около 60% опрошенных), 3) неспособность эффективно тратить бюджетные средства (около 60% опрошенных) и 4) эффективно бороться с коррупцией (около 50%). Характерно, что именно для местной власти ясно звучит требование – «чаще встречаться с населением». Об этом заявили 47% участвовавших в опросе. Таким образом, актуальность идеи о недостаточной «настройке» механизма коммуникации между местными органами власти и местным населением как одним из факторов низкого социального доверия находит свое подтверждение.

Решения, выработанные в ходе последней президентской избирательной кампании, отсекали от политизированного протестного движения значительную часть его социальной базы. В настоящее время в стране нет как единого протестного движения, так и единой политической повестки. За последние годы произошло снижение оценки эффективности протеста как средства социальных изменений и, во-вторых, повышение своеобразного «антирейтинга» социального протеста – повышение числа тех, кто считает, что акции протеста и митинги – это «путь к развалу», который не решает проблемы, а только дестабилизирует ситуацию в стране [8, с. 61–62]. Если активизация политической оппозиции и расширение социальной базы протестов в 2011–2012 гг. были инициированы совпадением последствий мирового финансово-экономического кризиса и депривационного эффекта от сворачивания «модернизационной» политической повестки [27], то в контексте кризиса на Украине, политического эффекта от воссоединения с Республикой Крым и г. Севастополем российское общество обрело колоссальные интенции консолидации, выражающиеся в высоком уровне поддержки федеральной и региональной власти.

Но многие ученые сегодня продолжают ставить вопрос о том, что необходимо предпринять ведущим политическим силам для того, чтобы предотвратить активизацию протестной активности в региональном и общероссийском измерении по схожему сценарию впоследствии. Общие рекомендации можно свести к следующему: 1) вести постоянный мониторинг проблем, волнующих население; 2) стремиться к реальному и оперативному решению этих проблем; 3) установить эффективный диалог с обществом.

Литература

1. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Протест как проявление социально-политического несогласия // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 1 (48).
2. Задорин И.В., Стребков Д.О. Массовый протест в России во второй половине 1990-х гг.: влияние экономических факторов // Полития. 1999. № 4.
3. Августовский путч ГКЧП. Хроника событий 19-22 августа 1991 года // Официальный сайт РИА «Новости» [Электронный ресурс]: <http://ria.ru/spravka/20110819/415632412.html> (Дата обращения 11.06.2015)
4. Кинсбургский А.В. Социальное недовольство и потенциал протеста // Социологические исследования. 1998. № 10.
5. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 4.
6. Распределения ответов на вопрос «Как бы вы оценили материальное положение вашей семьи?» // Данные всероссийских опросов общественного мнения «Экспресс», проводимых ВЦИОМ с 1992 г. [Электронный ресурс]: wciom.ru/database (Дата обращения 18.07.2015)
7. Мамонтов М.В. Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107).
8. Результаты социологического исследования «Акции протеста: атрибуты демократии или признаки кризиса в обществе?» 10-11 января 2015 г. // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1 (125).
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 2005 г. № 541 «О федеральных стандартах оплаты жилого помещения и коммунальных услуг» // Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс]: <http://www.rg.ru/2005/09/06/a77909.html> (Дата обращения 12.06.2015)
10. Мацкевич М.Г. Между солидарностью и протестом // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2005. № 6. С. 23–24.
11. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Природа конфликтности российской политической трансформации // Полития. 2005. № 2.
12. Подъячев К.В. Протестное движение в России нулевых: генезис и специфика // Вестник Института Социологии РАН. 2012. № 5.
13. Верхотуров Д. Социальный протест в современной России // Золотой лев. 2007. № 131-132. [Электронный ресурс]: http://www.zlev.ru/131/131_36.htm (Дата обращения 9.07.2015)
14. Морев М.В., Каминский В.С. Проблемы взаимодействия государства и общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30).
15. Олейник А.Н. Массовые протесты в контексте русской власти // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012. № 3.
16. Селезнев П.А. Политический контекст социальных протестных выступлений российских граждан // Конфликтология. 2010. № 2. С. 155–176.
17. Соколов А.В. Социальная база протестных действий в современной России // Власть. 2011. № 10.
18. Яницкий О. Протестное движение 2011-2012 гг.: некоторые итоги // Власть. 2013. № 2.
19. Левашов В.К. Гражданское общество: протест или консенсус // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 73–83.
20. Баскакова Ю.М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114). С. 28–30.
21. Татаркова Д.Ю. Роль политической оппозиции в протестном движении 2011-2012 гг. // Власть. 2013. № 7.

22. Волков Д. Аналитический доклад «Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты» [Электронный ресурс]: <http://www.levada.ru/02-10-2012/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> (Дата обращения 01.07.2015).
23. Мирясова О.А. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110).
24. Климов И. Структурные факторы социального протеста (на примере Олимпийской стройки в Сочи) // Россия реформирующаяся. Ежегодное издание ИС РАН. 2009. Т. 8. С. 356–372.
25. Чувашова Н.И. Социальный протест на региональном уровне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 45.
26. Законодательное Собрание Ростовской области в зеркале социологии / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д, 2013.
27. Челпанова Д.Д. Теория социальных протестов: эффекты модернизации // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2011. № 4. С. 273–276.

Lulka Olga Fiodorovna, applicant; Institute of sociology and regional studies of the Southern federal university (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: o.lyulka@mail.ru

PROTEST ACTIVITY IN RUSSIA: NATIONAL TENDENCIES AND REGIONAL SPECIFICS

Abstract

The article deals with the dynamics of protest activity in the contemporary Russia. The author have distinguished characteristic periods of escalation and easing of protest activity potential. Special attention – in methodological and practical way - is given to the problem of the structural factors of protest activity on the regional level and the ways of its explication in the forecast and management purposes.

Keywords: social protest, a wave of protest activity, civil society, relative deprivation, the structural conditions of protest.

УДК 65.01

ИНСТИТУТ МЕДИАТОРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ УПРАВЛЯЕМОЙ И УПРАВЛЯЮЩИХ ПОДСИСТЕМ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Мелихова аспирант, преподаватель кафедры менеджмента,
Белла Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
Сергеевна народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: bellaqaz@yandex.ru

Аннотация

Представлены результаты исследований, связанных с вопросами практического использования научных знаний и опыта персонала предприятия. Предложен подход, применение которого позволяет определить, каким именно образом совместное использование классических управленческих концепций и современных концепций, основанных на знаниях, повышает эффективность решения задач и принятия менеджерских решений.

Ключевые слова: управление знаниями, менеджмент предприятия, эффективная система управления.

Одним из условий функционирования эффективной системы управления является разрешение объективных противоречий и достижение общности целей управляющего субъекта и управляемого объекта [1, с. 52]. В процессе взаимосвязи каждый из них имеет собственный интерес, и эти интересы зачастую не совпадают. Это противоречие является противоречием между объективной необходимостью усиления публичного характера управления и отчуждением объекта управления от принятия управленческих решений [2, с. 14].